

DOI: 10.31857/S086919080024095-1

ТАЙВАНЬ, БОЛЬШОЙ КИТАЙ И ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ МЕТАЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИРОСИСТЕМА: К НОВОМУ ВИДЕНИЮ АЗИАТСКОЙ ГЛОБАЛЬНОСТИ

© 2023

В.В. МАЛЯВИН ^{a, b, c}^a – НИУ «Высшая школа экономики»;^b – Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия;^c – Педагогический университет пров. Хэбэй, Шицзячжуан, КНР^{a, b, c} – ORCID: 0000-0001-8966-6359, vmalyavin@hse.ru

Резюме: Глухой тупик, в который зашли отношения между Китаем и Тайванем требует поиска новых подходов к проблеме безопасности и стабильности в АТР. В статье рассматривается современное противостояние между «двумя берегами Тайваньского пролива» в свете особенностей китайской цивилизации и процессов глобализации. Тайвань – не только периферия Китая, но и уникальная в своем роде страна китайского фронта, окно Китая в глобальный мир. Курс современных властей Тайваня на «декитаизацию» и превращение жителей острова в «океаническую нацию» анализируется в контексте трех измерений современной китайской цивилизации: континентального централизованного государства имперского типа, представленного Китаем как «Срединным государством», китайской периферии и китайской диаспоры, представляющей глобальный аспект китайского мира. Подлинным фокусом китайского мира является точка фронта, имеющая, согласно определению М. Фуко, характер гетеротопии, способной сводить воедино особенное и общее, внутреннее и внешнее, свое и чужое. Автор предлагает новую концепцию Большого Китая как посредующего звена между локальным и глобальным в структуре китайской цивилизации. Указанное посредование носит характер преобразования отдельных качеств существования в надвременные типы – символы высшей целостности и полноты мира. Как показывает автор, это посредование осуществляется через особый тип коммуникативного пространства, который он называет Восточноазиатской метацивилизационной миросистемой. Последняя определяется внутренней логикой самопознания и не совпадает с историческими формами цивилизаций. Указанный подход к отношениям между континентальным Китаем и Тайванем и их глобалистским устремлениям позволяет выявить соотношение общего и особенного в Восточноазиатском типе глобальности. Несмотря на очевидные различия между внешнеполитическими курсами КНР и Тайваня, теория метацивилизационного сообщества позволяет сделать возможным сотрудничество КНР и Тайваня на основе синергии. Приводятся аргументы в пользу тезиса о том, что тихоокеанский регион является перспективным полигоном для налаживания подобного типа отношений.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, цивилизационные типы, океаническая нация, метацивилизационная общность, синергия, восточноазиатская глобальность.

Для цитирования. Малявин В.В. Тайвань, Китай и Восточноазиатская метацивилизационная миросистема. *Восток (Oriens)*. 2023. № 2. С. 142–152. DOI: 10.31857/S086919080024095-1

TAIWAN, CHINA AND THE META-CIVILIZATIONAL WORLD SYSTEM OF EASTERN ASIA: TOWARDS A NEW VISION OF ASIAN GLOBALITY

© 2023

Vladimir V. MALIAVIN ^{a, b, c},^a – National Research University Higher School of Economics;^b – Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;^c – Hebei Normal University, Shijiazhuang, PRC^{a, b, c} – ORCID: 0000-0001-8966-6359; vmalyavin@hse.ru

Abstract: *The stalemate in China-Taiwan relations calls for new approaches to the problem of security and stability in the APR. The article examines the current confrontation between the “two sides of the Taiwan Strait” in its relation to the Chinese civilization’s specificity and globalization processes. Taiwan is not only China’s periphery, but also the last Chinese frontier; China’s window to the global world. Taiwan’s politics of “de-sinicization” and transformation of the Taiwanese into an “Oceanic Nation” is considered in the three-dimensional context of modern Chinese civilization: the continental centralized state of imperial type, represented by the “Middle Kingdom” concept, the Chinese periphery and the Chinese diaspora, representing the global aspect of Pax Sinica. A real focus of this structure is precisely the point of Frontier, a sort of heterotopy with its capacity to couple Singularity and Universality, internal and external aspects of existence. The author offers a new concept of Greater China, linking the local and the global aspects of the Chinese civilization. This mediation is realized through the transformation of various qualities of existence into its persisting types as the symbols of the fullness of existence. These types create a special communicative space, which constitutes the East Asian meta-civilizational world system. This approach to the relationship between mainland China and Taiwan and their globalist aspirations reveals a special East Asian type of globality, able to generate the cooperation between PRC and Taiwan based on Synergy, despite their widely divergent political systems. The Pacific region is a promising testing ground for this type of relationship.*

Keywords: China, Taiwan, civilizational types, oceanic nation, meta-civilizational community, synergy, East Asian globality.

For citation: Maliavin V.V. Taiwan, China and the Meta-civilizational World System of Eastern Asia: Towards a New Vision of Asian Globality. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 2. Pp. 142–152. DOI: 10.31857/S086919080024095-1

Тайваню выпала уникальная судьба. Этот остров, который португальцы называли Формоза, что значит Прекрасный, не раз переходил из рук в руки или, точнее сказать, на него ложились тени разных государств, но ни одна не задерживалась надолго. Название романа тайваньского писателя У Чжолу присвоило ему крылатое прозвище «Сирота Азии». Перед лицом пришлой и чужой им власти тайваньцам оставалось разве что любить свой остров, и теперь от тайваньских политиков требуется в первую очередь демонстрировать «любовь к родной земле». Но этого явно недостаточно для рождения нации. К тому же Тайвань – остров иммигрантов, и его население весьма неоднородно по своим этническим и историческим корням. А главное, Тайвань – не просто периферия Китая, но его последний фронт, и его жители более других народов Восточной Азии открыты мировому простору. В итоге политика на Тайване зависла между двумя полюсами: фактом «жизненной общности» островитян и мечтой о «глобальном мире» человечества. За неимением средств,

адекватно выражающих связь этих полюсов, она выливается в споры о том, является ли Тайвань частью Китая. Но тайваньцы чувствуют фиктивность этого противопоставления и в большинстве своем не возражают против нынешнего двусмысленного статуса острова [Fell, 2018, p. 162].

Попробуем поставить отмеченные напряжения и сопряжения тайваньского общества в контекст китайской цивилизации. Первое, что бросается в глаза, когда мы обращаемся к самообразу последней, это тенденция определять единство страны через ее особенности и отличие от окружающего мира. Главное свойство Китая – «китайская специфика» в ее бесконечном разнообразии. В основе такого взгляда на мир лежит, в сущности, сведение реальности к событию, перемене – всегда единичным, несравненным. Это означает, что вещи достигают внутренней полноты, реализуют себя как раз в пределе своего существования, в моменте перехода в иное и потому существуют ровно настолько, насколько не существуют. Следовательно, все в мире только подобно себе, и в нем нет ничего реальнее мнимости.

В итоге вещи едины именно в их отличии от других. Эта квазидиалектика превращения закреплена в центральном для китайской культуры понятии ритуала¹. Последний определяет единение людей через различие между ними и даже делает непрозрачность отношений залогом согласия вовлеченных в них сторон! Воспитывая бодрствование духа, ритуал учит ценить специфику момента и локальное своеобразие.

Неудивительно, что власть в КНР зиждется не столько на абстрактном единстве нации, сколько именно на различиях: с одной стороны – отличии Китая от прочих цивилизаций, с другой – разделении на управляющих и управляемых внутри государства или, по сути, «сознательных» вождей общества, живущих в соответствии с ритуальным порядком, и элементов «несознательных», пренебрегающих ритуалом ради личной выгоды. Первые обладают внутренним знанием «предельно утонченного» ритма мировых превращений, а вторым доступна только «грубая» сторона вещей, которая познается физическим восприятием и умозрением.

Итак, в китайской традиции миром правит «Единое превращение», которое, будучи в действительности бесконечным множеством, является условием разнообразия самой жизни и разных модусов китайской цивилизации. Официальный самообраз последней имеет вид статической схемы вписанных друг в друга квадратов с центром, представляющим царский престол. Такова модель Срединного государства. В другом важном, но находившимся за пределами официальной традиции и поэтому сравнительно малоизвестном образе китайского мира на передний план выдвинута периферия и ее связь с центром. В его основе лежала идея единичности или предела существования как воплощений единого. В политическом лексиконе Китая ему отчасти соответствует понятие Поднебесной, но гораздо точнее его сущность выражает с недавних пор получившая популярность в соседних с Китаем странах концепция «Азии как метода», в которой основой организации общественного пространства является социальная или региональная специфика как таковая [Малявин, 2021]. Единичное представлено здесь локальностью в ее качестве особенного, заповедного места или того, что М. Фуко назвал гетеротопией: всегда «иным», почти недоступным местом, вместилищем необычного, чудесного, фантастического [Foucault, 1986, p. 24]. Классическим памятником этой линии китайской культуры является «Книга гор и морей», состоящая из описаний необычных местностей и существ, хотя и с педантически точным указанием дистанций между ними – очевидная дань имперской планиметрии [*Шань хай цзин*, 1977]. То же видение мира запечатлено в обширном массиве фольклора, житийной

¹ Первостепенная роль ритуала (не путать с обрядом) в культурной практике Китая в последнее время заняла важное место в китайоведческих исследованиях [Seligman et al., 2008].

литературы, местных хроник и т. д. Эта ипостась Китая прочно связана с его периферийной экзотикой.

Наконец, третий, сравнительно недавно появившийся ракурс китайского мира относится к глобальному пространству китайской диаспоры. Он представляет, как сказал бы Делёз, детерриторизированный и вместе с тем синкретический, во многом гибридный образ Китая – некий клубок связей, ценностей, китайских мировых брендов, бытующих по большей части в медиапространстве [*Ungrounded Empires*, 2003; Ong, 2012].

Тайвань с его двусмысленным статусом принадлежит второму, периферийному, типу цивилизации. Периферия в определенные исторические моменты может претендовать на роль центра, и наследие гоминьдановского Китая действительно наделяет Тайбэй некоторыми признаками политической столицы. Сами тайваньцы гордятся тем, что сохранили многое из наследия классической традиции Китая. О способности периферии лидировать в области культуры пишет ученый тайваньского происхождения Ду Вэймин [Tu Wei-ming, 1991]. Однако политическое положение Тайваня не благоприятствует реализации этой миссии. В гораздо большей степени Тайвань как фронтير Китая служит окном в «мир за великой стеной» и создателем глобальных брендов Китая.

Сказанное приводит к выводу о незавершенности формирования нации и национальной идентичности на Тайване [Дикарев, Лукин, 2021]. Впрочем, западное понятие национального государства едва ли применимо к китайской цивилизации. Нация в ней подменяется локальностью, каковая не является отдельной сущностью или субстанцией и в силу своей периферийной природы постоянно стремится за свои пределы, ищет себя в своей инаковости. В общественной практике она наделяется статусом «тени», декорума, экзотики, имеющих чисто эстетическую ценность и в этом качестве способных служить только политическому символизму империи, вечной «тайне» последней. Здесь, надо полагать, кроются глубинные причины необыкновенной жизненности имперского уклада в Китае.

В конечном счете, проблема в том, что китайский Дракон – подлинный символ превращения – обречен быть «другим», непрозрачным и неуловимым, и притом претендовать на роль старшего. Он в состоянии подчинить Тайвань и даже проглотить его, не пережевывая, но не может установить с ним четкие договоренности, не отказываясь от того, что делает его «Срединной», т. е. сокрытой внутри, державой. Что касается политического класса Тайваня, то его отношение к континентальному Китаю двойственно в силу принципиальной раздвоенности тайваньского сознания, колеблющегося между признанием китайской идентичности и ее отрицанием.

Именно этой раздвоенности Тайвань, как многие страны иммигрантов, обязан появлением на острове устойчивой демократии. Следовательно, ему будет очень трудно, если вообще возможно, от нее избавиться. Своим появлением демократия на Тайване обязана именно неопределенности национальной идентичности тайваньцев, реакции на их, так сказать, «травму идентичности» [Малявин, 2007]. Сдерживая насилие, всегда сопутствующее рождению нации, демократия является самым большим препятствием для роста националистических настроений в тайваньском обществе [Чэнь Цзя-вэй, 2017, с. 180].

Конечно, понятие нации играет важную роль в современной политике и Китая, и Тайваня. Правда, роль совершенно разную. В Китае нация служит символом государственного единства, а на Тайване она является в первую очередь институтом гражданского общества. В обоих случаях националистический дискурс на Тайване практически не имеет самостоятельного значения.

До сих пор положение Тайваня рассматривалось только в рамках двоичных оппозиций объединения или самостоятельности, национализма или демократии, локального или глобального и т. д. Эти оппозиции порождают неразрешимые противоречия и конфликты.

В литературе общим местом стало признание того, что в политическом плане отношения между «двумя сторонами Тайваньского пролива» зашли в тупик, из которого не видно сколько-нибудь приемлемого для обеих сторон выхода. Решение этой дилеммы видится в привлечении к этому противостоянию некоего среднего звена, которое сделает возможным согласование интересов противостоящих друг другу сторон в рамках более широкого и существенно переформатированного геополитического пространства.

На место посредующего звена по оси локальное/глобальное хорошо подходит понятие Большого Китая. Последнее следует соотнести не просто с Китаем в его расширенном виде, а с качественно новой общностью, которая охватывает весь ареал Восточной Азии и АТР и представляет собой определенную, пользуясь термином И. Валлерстайна, миросистему. Сразу же добавим, что эта общность, чтобы быть глобальной, должна иметь метацивилизационную природу. Автор этих строк подробно изложил концепцию метацивилизационного содружества Восточной Азии в книге «Евразия и всемирность» [Малявин. 2022]. Данная общность называется метацивилизационной потому, что определяется логическим (но бессознательным) выбором между двумя видами познания: в одном случае сознание отождествляется с его предметным содержанием (модус самотождественности), в другом – с пределом опыта, моментом перехода в инобытие (модус самоинаковости). Второй вариант соответствует, очевидно, восточноазиатской метацивилизации, и ему свойствен параллелизм физических, общественных и духовных процессов. Переход в иное или «оставление», «опустошение» себя обуславливает первостепенное значение понятия пустоты и в духовной практике, и в политике, и даже в географическом пространстве. В центре азиатского материка находятся пустыня и пустынный простор степей. В азиатской политике место власти тоже ассоциируется с пустотой, отчего власть значимо отсутствует в мире и воздействует скрытым, интимным образом. Та же пустота является истоком человеческой практики, а внешние образы в ее свете имеют статус декорума, узора и даже целиком внеположенного внутреннему опыту «праха». Соответственно, речь в свете такого миропонимания представляет собой непрерывное иносказание, которое не выражает смысл, а скрывает его.

Таким образом, Большой Китай с его глобальным репертуаром типизированных и, следовательно, включенных в коммуникацию форм становится основанием устойчивой миросистемы, обеспечивающей взаимосвязь ее локального и глобального полюсов. Эта система делает возможной не просто сосуществование, но свершающееся посредством типизации взаимное превращение «централистского» («Срединное государство») и «периферийного» («Азия») измерений китайского мира. Вопрос, конечно, в том, где находится центр этой динамической структуры и каковы конкретные формы взаимодействия центра и периферии. Но уже сейчас можно сделать важное предположение: отдаление периферии от центра (например, в виде проводимой на Тайване политики «декитаизации») содержит в себе возможность возвращения к центру без слияния с ним. Другими словами, предложенное понимание Большого Китая открывает перспективу сотрудничества между Тайванем и континентальным Китаем вне навязанного Востоку западной политологией выбора между единством и самостоятельностью двух национальных государств. В свете сказанного нельзя ли предположить, что геополитически Тайвань – земля пограничья, фронта – окажется той точкой открытости Китая миру, в которой китайский гений достигнет внутренней завершенности в моменте само-типизации и... обретет всемирное значение?

В последнее время руководство КНР в самом деле проводит политику описанного выше глобального Китая по отношению ко всему ареалу Восточной и Центральной Азии. Проекты «одного пояса, одного пути» и «общей судьбы человечества» фактически рас-

пространяют принципы китайской глобальности на весь азиатский материк. В противовес этой экспансии тайваньское правительство провозгласило своей целью создание «океанической нации» и всестороннее укрепление связей с островными государствами южной части Тихого океана. Попробуем оценить эти тенденции.

ОКЕАНИЧЕСКАЯ НАЦИЯ: ОТ СОПЕРНИЧЕСТВА К СИНЕРГИИ

Вообще говоря, есть два способа решения проблемы: разделить ее на составные части и разбираться с ними поочередно или, наоборот, ввести ее в контекст более широкой проблематики. В геополитическом плане благодатным поприщем для второго способа разрешения конфликтов является «большое пространство» Евразийского континента, но также – *mutatis mutandis* – простор Тихого Океана, крупнейшей акватории на Земле. Тихоокеанский ареал имеет много общего с глубинной Азией: в обоих случаях мы имеем дело с большим пространством и его пестрыми и разрозненными сообществами, не поддающимися единому порядку управления.

Современные международные отношения в этих мета-регионах удобно рассматривать в свете принципа, еще плохо осмысленного применительно к международным делам, – принципа синергии. Последнюю часто называют порядком организации или, точнее, самоорганизации сложных систем самой разной природы от хаоса микромира до живого тела. Этимологически термин синергия, строго говоря, означает содействие, сотрудничество, но он получил самостоятельную жизнь, вероятно, вследствие того, что, в отличие от сотрудничества, относится к связям и отношениям, лежащим за пределами сознательной рефлексии и плохо поддающимся анализу. Принято также считать, что синергия обозначает эффект общего действия различных сил, который превосходит их простую сумму. В этом смысле синергия почти тождественна творческому акту.

Китайский проект «одного пояса и одного пути» идеально подходит для реализации синергии в межгосударственных отношениях. Он касается гигантского и политически аморфного пространства, которое охватывает очень разные по размерам, уровню развития и культурному укладу страны и не предполагают создания политических блоков. Китай настаивает на том, что участие в нем будет добровольным и выгодным для всех участников. При всей новизне этого подхода для теории международных отношений, он хорошо известен в Китае с его верховенством ритуала и традиционным правилом «жить в согласии, не создавая союзов». Синергия вообще есть главный принцип китайского мировоззрения, что засвидетельствовано, помимо прочего, популярной китайской поговоркой: «зубы и губы не действуют друг для друга, но, если убрать губы, зубы будут стынуть».

Тихоокеанский регион имеет ряд особенностей, которые не позволяют подойти к нему с позиции западной теории международных отношений. Он состоит из множества островных государств, очень разнородных, изолированных и критически зависящих от иностранной помощи. Уже в силу их географической удаленности от континентальных держав, даже если не принимать в расчет социальное и политическое противодействие на местах, создание прочных связей между отдельными островными государствами и их потенциальными патронами оказалось невозможным. Тем не менее иностранные инвестиции и различного рода помощь со стороны крупнейших держав АТР остаются необходимым условием устойчивого развития Океании. В то же время превращение Китая в могущественную экономическую, политическую и даже военную силу окончательно закрыло перспективу оформления квазиколониальных связей. Интерес Китая к акватории Тихого океана объясняется уже его положением региональной державы и подогревается целым рядом факторов: наличием в большинстве островных государств ТР общин

этнических китайцев, возможностью за небольшую плату обеспечить дополнительные голоса в свою поддержку в ООН (характерное для китайского менталитета стремление не пренебрегать даже маленькой выгодой), интересами военно-стратегическими (в частности, обладание станциями радиолокации и спутникового слежения), потребностью в использовании природных ресурсов океана и т.д.

Для Тайваня как берегового форпоста Китая ТР объективно имеет еще большее значение, как хозяйственное, так и политическое. Здесь вылавливается большая часть поступающей на рынок Тайваня и соседних стран рыбы, добываются нужные Тайваню полезные ископаемые и даже имеются тайваньские радиолокационные станции. Чтобы дистанцироваться от континентального Китая, Тайвань охотно позиционирует себя именно как тихоокеанское государство и использует аборигенное население острова как повод для того, чтобы подчеркнуть свое этнокультурное родство с жителями Меланезии. Наконец, курс тайваньского правительства на «построение океанической нации» удачно совмещает апологию тайваньской самобытности с встраиванием Тайваня в глобальный мир.

Тайвань имеет «долгую историю участия в развитии Тихоокеанского региона и оказания гуманитарной помощи на двусторонней основе» странам, поддерживающим с ним официальные связи [Ting-Hui Lin, 2012, p. 71]. Фонд международного сотрудничества и развития Тайваня, занимающийся программами помощи иностранным государствам, активно действует в этом ареале. Симпатизирующие Тайваню исследователи отмечают, что для того, чтобы преодолеть ограничения, налагаемые Китаем и международной системой, Тайвань упорно стремится доказать миру «внутренне присущие его обществу и культуре ценности» [Istenič, 2014] и в результате добивается дипломатического признания. Как один из ведущих участников рыбного промысла в этом районе, Тайбэй получил право участвовать в региональных структурах управления рыболовством и в сентябре 2012 г. официально стал членом Южно-Тихоокеанской региональной организации по управлению рыболовством. По сути дела, политика тайваньского руководства на Тихом океане нацелена на максимизацию мягкой силы Тайваня в качестве члена «тихоокеанской семьи». Вероятно, это лучшая – если не единственно возможная – стратегия защиты долгосрочных интересов Тайваня в регионе.

Долгое время Тайбэй и Пекин старались попросту купить расположение правительств островных государств. Некоторые острова, словно крепости на войне, по несколько раз переходили «из рук в руки». Перелом наступил в 2008 г., когда президентом Тайваня был избран лидер Гоминьдана Ма Инцзю, настроенный на расширение сотрудничества с КНР. Вскоре после своей инаугурации Ма Инцзю заявил, что успешно заключил «дипломатическое перемирие» с другой стороной пролива под знаменем новой «жизнеспособной дипломатии» Тайваня [Hsia, 2009]. Перемирие оказалось прочным, поскольку служило интересам и Тайбэя, и Пекина. При Ма Инцзю ни одна из сторон не предпринимала активных действий для изменения дипломатического баланса и не прибегала к «дипломатии чековых книжек».

Хуан Гуйбо, доцент кафедры дипломатии Национального университета Чжэнчжи в Тайбэе, утверждает, что «после внедрения политики жизнеспособной дипломатии Тайвань стал известен тем, что предоставляет помощь в соответствии с законными целями и юридическими процедурами, что является главным правилом для стран-доноров» [Wang, 2012]. По словам тайваньских чиновников, помощь Тайбэя Тихоокеанскому региону заключается в том, чтобы «поделиться экономическим процветанием и оказать практическую помощь странам в области возобновляемых источников энергии, профессионального обучения, медицинской помощи и защиты запасов тунца» [ABC News, 2013]. Прекратив войну «чековых книжек», Тайбэй перешел к политике гласного и адресного оказания помощи в

соответствии с объективными потребностями островных государств. Это позволило ему переключиться на реализацию долгосрочных проектов.

Новая политика Тайваня способствовала разрядке напряженности в районе Тайваньского пролива и оказала благотворное воздействие на ситуацию в ТР в целом. Со своей стороны, правительство КНР увеличило финансовую помощь островным государствам Тихого океана и заметно смягчило свою позицию по отношению к Тайваню. Накануне встречи китайского руководителя с главами государств ТР в ноябре 2014 г. оно сделало беспрецедентное заявление о том, что готово сотрудничать даже с теми странами, которые поддерживают дипломатические связи с Тайванем [Blanchard, 2014]. Скорее всего, Пекин сделал такое заявление в надежде добиться лояльности союзников Тайваня, но сам демарш примечателен. Пестрое и аморфное сообщество ТР является благоприятным поприщем для неформального – в идеале синергийного – сотрудничества между КНР и Тайванем еще и потому, что оно является очень подходящим регионом для применения уже опробованного в отношениях между этими странами правила: заниматься «сначала легким, потом трудным».

Можно предположить, что тайваньско-китайская синергия будет выгодна для всех трех сторон политики в ТР, поскольку она, во-первых, позволит и Китаю, и Тайваню укрепить свои связи с государствами региона; во-вторых, укрепит доверие между Тайванем и КНР; в-третьих, повысит качество и эффективность помощи, которую КНР и Тайвань оказывают островным государствам. Успешное развитие этих отношений, несомненно, повысит репутацию как Тайваня, так и Китая, и усилит глобалистский компонент в ней, что представляется особенно выигрышным для Тайваня.

Конечно, на «океаническом» просторе ТР возможны разные сценарии развития. После возвращения к власти ДПП в 2016 г. в отношениях Тайваня и КНР наступило неизбежное охлаждение, длительность и масштабы которого сегодня невозможно предсказать. Синергийное взаимодействие требует от обеих сторон определенных уступок, и неясно, как далеко Пекин и Тайбэй готовы пойти в этом направлении. Скорее всего, растущая мощь Китая втянет в его орбиту некоторых союзников Тайваня. Но возможность использовать «океанскую пустоту» для укрепления взаимного доверия между Тайванем и КНР и устойчивого развития островных государств региона будет существовать всегда, а перспектива преобразовать соперничество в совместное обеспечение безопасности никогда не утратит привлекательности. А главное, различие в силе и уровне жизни государств не является помехой именно для отношений на началах синергии. Как раз им соответствует упоминаемое в даосском каноне «Дао-Дэ цзин» сотрудничество «большого» и «малого» государств на основе ритуальной любезности [*Дао-Дэ цзин*, 2010, с. 480].

Можно с уверенностью сказать, что Китай уже нашупал пути и формы своей экспансии как на «великой суше» к западу, так и на «великом море» к востоку, и эта экспансия не будет носить колониальный характер, присущий политике Запада. Она не приведет к созданию новых блоков и к новому расколу мира. Но она будет по-своему универсальной и всемирной, хотя бы потому, что в ее рамках достижение доверия в одном звене отношений моментально скажется на других аспектах международного положения. Синергии свойственно аккумулировать «синергетический эффект» и распространяться со всевозрастающей скоростью.

Описанная динамика международных отношений открывает перспективу формирования геополитической общности, которую можно условно назвать Восточноазиатским Содружеством. В рамках последнего отдельные культурно-исторические регионы Большого Китая и даже сопредельные страны могут обладать почти полной самостоятельностью, но строить отношения между собой как части единого культурно-политического образования.

Появление такого содружества позволит обеспечить стабильность и безопасность в этом стратегически важном ареале земного шара. Со временем оно может охватить Южную и Центральную Азию и даже Россию.

На практике связи с ТР могут дать Пекину и Тайбэю возможность реализовать меры по укреплению доверия, опробовать модели сотрудничества и разработать новые формы синергичного взаимодействия, причем с относительно низким уровнем риска. Обеим сторонам следует признать, что южная часть Тихого океана может стать «океаном возможностей», где они могут экспериментировать в сотрудничестве между собой и с другими региональными игроками.

Опыт «осторожного сотрудничества» Пекина и Тайбэя, накопленный в особенности в период президентства Ма Инцзю, оказался полезным для решения многих вопросов безопасности. В его свете их возможное будущее сотрудничество на островах Тихого океана может осуществляться через совместные инициативы по оказанию гуманитарной помощи, координации проектов развития, экологии и управлению морскими ресурсами, разработке программ образования и профессиональной подготовки и т. д. Такие инициативы в идеале должны согласовываться и осуществляться на неофициальном уровне, путем создания специальных неправительственных организаций и агентств, и принцип «одного Китая» не станет здесь непреодолимым препятствием. Это кажется тем более возможным, что в предыдущее десятилетие Китай впервые в своей истории вступил в сотрудничество с Австралией и США по целому ряду программ, главным образом, гуманитарного характера. Это означает, что та же Австралия или какое-либо авторитетное международное образование могли бы выступать в качестве посредников и гарантов трехсторонних проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы пришли к неожиданному и открывающему новые перспективы для мировой политики выводу: «уход» Тайваня в океан может завершиться его возвращением к азиатскому континенту, но уже в новом качестве и на новом уровне отношений. КНР и Тайвань получают новый ресурс для маневра, который позволяет смягчить остроту их конфликта и снять противоречия, прежде казавшиеся неразрешимыми. Более того, обе стороны открывают для себя возможность совместно преследовать свои интересы и даже совместно защищать их. Выявленный уход-возвращение Тайваня создает, помимо прочего, новое положение и для традиционных держав-доноров тихоокеанского региона. Он вынуждает западную бюрократию и аналитиков пересматривать привычный и удобный для них нарратив об опасностях и ловушках китайской и (в меньшей степени) тайваньской помощи, якобы несущей островным государствам Тихого океана кабальную зависимость и коррупцию. Этот нарратив – лишь одно из многих выражений западных предрассудков в отношении стремительно вошедших в мировую политику азиатских гигантов. Каждому непредубежденному наблюдателю ясно, что активное участие КНР и Тайваня в жизни тихоокеанского региона не обязательно представляет угрозу интересам Запада и тихоокеанских островов. Напротив, оно способно высвободить потенциал разных стран ради общей стабильности и развития.

Сегодня необходим новый подход к исследованию региональной динамики, включая Китай и Тайвань. Такой подход должен по достоинству оценивать вклад обеих стран в региональное развитие и упрочение взаимного доверия и в то же время указывать заинтересованным странам пути и формы сотрудничества с Пекином и Тайбэем в областях, которые являются приоритетами для тихоокеанских островов. Он не должен быть ориентированным на поиск новых механизмов безопасности или дипломатические договоренности, имеющие

целью сдерживание азиатских держав, и тем более сталкивать Пекин и Тайбэй. Обеспечить мир и безопасность в Тихоокеанском регионе можно только тогда, когда партнеры по региону разработают и реализуют стратегию инклюзивности и дальнейшей интеграции Китая и Тайваня в содружество тихоокеанских островов.

Учитывая, что и Пекин, и Тайбэй имеют ряд интересов на островах Тихого океана, которые отделены от их тлеющего соперничества и способны оказывать разностороннее влияние в регионе, можно предвидеть, что эти две азиатские державы будут оставаться там важными игроками независимо от перипетий их дипломатического противостояния. Асимметрии и контрасты в отношениях между двумя сторонами Тайваньского пролива существенны и многогранны: одна из них – сверхновая звезда международной политики, другая – высокоразвитый остров с особой исторической судьбой. В тихоокеанском регионе они имеют прошлое, отмеченное как длительным дипломатическим соперничеством, так и периодами мирного сосуществования.

События последнего десятилетия показывают, что будущее взаимодействие «двух сторон Тайваньского пролива» в «море островов» может пойти разными путями. Правление нынешнего президента Тайваня Цай Инвэнь отмечено обострением отношений между Пекином и Тайбэем и почти полным отказом от сотрудничества в ареале Тихого океана [Каимова, 2020]. Тем не менее, история уже знает примеры синергичного сотрудничества Китая и Тайваня, пусть даже в скромных масштабах и в не самых важных областях политики и общественной жизни. Этот опыт не может кануть в Лету без следа. Он остается возможностью, которая может быть реализована в будущем.

Можно предположить, что прочный успех международного сотрудничества в южной части Тихого океана, как и в ареале Восточной Азии, предполагает тщательное продумывание и аккуратное внедрение в дипломатическую и общественную практику той матрицы политической организации, которая была названа выше метацивилизационной миросистемой. Опыт международного сотрудничества в южной акватории Тихого океана, как и в Центральной и Восточной Азии, показывает, что ее реализация даже не требует общности культуры или языка – достаточно благоприятных геополитических условий.

Разумеется, переустройство общественной жизни на новых началах порождает и новые вопросы. Один из самых острых среди них – отношения взаимного отталкивания и притяжения периферии и центра, сетевого социума и централизованного государства в рамках метацивилизационного содружества. Ответ на этот вопрос зависит от способности вовлеченных в азиатскую миросистему сил к изменению и взаимной адаптации. Возможно, этот процесс завершится компромиссом на основе близкой ритуальной практике игровой публичности, что уже служило в китайской истории эффективным способом разрешения противоречий в обществе [Малявин, 2016, с. 284]. Превыше всего речь идет о сближении двух полюсов современной жизни: локальности и глобальности. Политики, служащей достижению этой цели, еще не существует, но она возможна и когда-нибудь появится. Чтобы она состоялась, человечество должно научиться искусству жить вместе вне и помимо формального единства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

- Дао-Дэ цзин. Книга о Пути жизни. Пер. В.В. Малявина. Москва: Феория, 2010 [*Dao-De Jing. The Way of Life*. Tr. by V.V. Maliavin, Moscow: Feoria, 2010 (in Russian)].
- Дикарев А.Д., Лукин А.В. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? *Сравнительная политика*. 2021. № 1. С. 118–133 [Dikarev A.D., Lukin A.V. “Taiwan Nation”: from Myth to Reality? *Comparative Politics Russia*. 2021. No. 1. Pp. 118–133 (in Russian)].

Каимова А.С. Развитие отношений между двумя берегами Тайваньского пролива в годы президентства Цай Инвэнь (2016–2019). *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2020. № 2. С. 127–138 [Kaimova A.S. The Development of China-Taiwan Relations during the Presidency of Tsai Ing-wen (2016–2019). *Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies*. 2020. No. 2. Pp. 127–138 (in Russian)].

Малиявин В.В. Уроки тайваньской демократии. *Отечественные записки*. 2007. № 6. С. 197–212 [Maliavin V.V. Lessons of Taiwanese Democracy. *Otechestvennye Zapiski* (= *The Native Notes*). 2007. No. 6. Pp. 197–212 (in Russian)].

Малиявин В.В. *Китайский этос, или Дар покоя*. Иваново: Роцца, 2016 [Maliavin V.V. *Chinese Ethos, or the Gift of Calmness*. Ivanovo: Roscha, 2016 (in Russian)].

Малиявин В.В. «Поднебесная» или «Азия»? Об утопических установках современной политики в Дальневосточном регионе. *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 1. С. 130–146 [Maliavin V.V. “All-Under-Heaven” or “Asia”? On Utopian Premises of Modern Politics in the Far Eastern Region. *Far Eastern Affairs*. 2021. No. 1. Pp. 130–146 (in Russian)].

Малиявин В.В. *Евразия и всемирность*. Изд. 2-е. Москва: Шанс, 2022 [Maliavin V.V. *Eurasia and Globality*. 2nd edition. Moscow: Shans, 2022 (in Russian)].

Чэнь Цзя-вэй. *Демократическая Прогрессивная партия Тайваня и поставторитарная модернизация*. СПб: Алетея, 2017 [Chen Jia-wei. *Democratic Progressive Party and the Postauthoritarian Modernization*. Saint Petersburg: Aletheia, 2017 (in Russian)].

Шань хай цзин. *Каталог гор и морей*. Пер. Э.М. Яншиной. Москва: Наука, 1977 [Shan Hai Jing. *Classic of Mountains and Seas*. Tr. by E.V. Yanshina. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

Taiwan rejects cheque-book diplomacy tag over Pacific aid. *ABC News*. 02.09.2013. <http://www.abc.net.au/news/2013-09-02/an-taiwan-reject-chequebook-diplomacy-tag/4928456> (accessed: 28.12.2022).

Blanchard B. China to lift aid to Pacific, sees cooperation with Taiwan allies. *Reuters*. 13.11.2014. <http://news.yahoo.com/china-lift-aid-pacific-sees-cooperation-taiwan-allies-052745950.html> (accessed: 28.12.2022).

Fell D. *Government and Politics in Taiwan*. New York: Routledge, 2018.

Foucault M., Of Other Spaces. *Diacritics*. 1986. Vol. 16. No. 1. Pp. 22–27.

Hsia A. *Viable Diplomacy and Taiwan – U.S. – China Relations*. Berkeley: University of California, 2009. <https://china.usc.edu/calendar/viable-diplomacy-and-taiwan-us-china-relations> (accessed: 28.12.2022).

Istenič S. *In Search for More Sun: Taiwan's International Space*. Presentation at the 11th Annual Conference on the Taiwan Issue in China-Europe Relations. Shanghai: Shanghai Institute for International Studies, 14–16 September 2014. Vol. 1.

Ong A. *Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationalism*. Durham: Duke University Press, 2012.

Seligman A.B., Weller R.P., Puett M.J., Simon B. *Ritual and Its Consequences. An Essay on the Limits of Sincerity*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Ting-Hui Lin. Taiwan's Contribution to the Pacific Islands Security from the Perspective of the Pacific Plan. *Managing the Regional Security Agenda*. Ed. by Ming-Hsien Wong. New Taipei City: Tamkang University Press, 2013.

Tu Wei-ming. Cultural China: The Periphery as the Center. *Daedalus*. 1991. Vol. 120. No. 2. Pp. 1–32.

Ungrounded Empires: The Cultural Politics of Modern Chinese Transnationalism. Ed. by A. Ong, D.M. Nanimi. New York: Routledge, 2003.

Wang A. Sharing Success, One Project at a Time. *Taiwan Review*. 01.12.2012. <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=4,29,29,31,45&post=7952> (accessed: 28.12.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЯВИН Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор-исследователь, Высшая школа экономики; главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия; внештатный профессор Педагогического университета пров. Хэбэй (КНР).

Vladimir V. MALIAVIN, DSc (History), Research Professor, Higher School of Economics; Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Freelance Professor, Hebei Normal University (PRC).